

Николай Иванович Пироговъ.

Его жизнь и дѣятельность

(13 ноября 1810 года—13 ноября 1910 года).

Д-ра М. Казанскаго.

(Продолженіе).

Официально Н. И. Пироговъ командированъ былъ на войну по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе главнокомандующаго „для ближайшаго наблюденія за успѣшнымъ лѣченіемъ раненныхъ“. Это создало Пирогову совершенно особое положеніе среди военной и военно-медицинской администраціи. Благодаря своему положенію на войнѣ, Пироговъ значительно расширилъ цѣль своей командировки: онъ задался цѣлью поставить возможно правильнѣе все дѣло помощи раненымъ и больнымъ, ввести порядокъ и извѣстную систему въ тотъ хаосъ, который обусловливался съ одной стороны „беззаботностью славянской и непредусмотрительностью“, а съ другой—недобросовѣстностью, интригами и личными счетами, совершенно не умѣстными на войнѣ.

Но это стремленіе Пирогова содѣйствовать улучшенію участи раненныхъ не только не встрѣтило сочувствія и поддержки, но и вызвало еще сильное противодѣйствіе со стороны военной и военно-медицинской администраціи, а высшія власти не могли по достоинству оцѣнить Пирогова и его гигантскую работу на пользу воиновъ, отдававшихъ жизнь свою за родину!.

12 ноября 1854 г. Пироговъ приѣхалъ въ Севастополь, испытавши массу невзгодъ на пути по страшно-грязнымъ и тряскимъ дорогамъ и сразу увидѣвши всѣ ужасы войны.

Еще въ Бахчисараѣ, по дорогѣ въ Севастополь, при осмотрѣ временнаго госпиталя, Пирогову представилась ужасная картина. «Горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ въ двухъ казарменныхъ домишкахъ, заключавшихъ въ себѣ 360 больныхъ, положенныхъ на нарахъ одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, безъ порядка, съ нечистыми вонючими ранами возлѣ чистыхъ, въ герметически запертыхъ пространствахъ, при температурѣ слишкомъ 18°R, не перевязанныхъ болѣе сутокъ».

«Врачъ и его помощникъ, одинъ ординаторъ, оба безотвѣтныя пѣшки торчали тутъ и служили живымъ укоромъ сословію и администрации!..... Можно было предвидѣть тоже и дальше. Но все-таки то, что я послѣ нашель,—говорить Пироговъ,—превзошло всю мѣру моихъ опасеній»...

«Я никогда не забуду,—разсказываетъ Пироговъ въ 1864 г.,—моего перваго вѣзда въ Севастополь. Вся дорога отъ Бахчисарая на протяженіи 30 верстъ заграмождена была транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; больные и между ними ампутированные (съ отнятыми членами) лежали по двое и по трое на подводѣ, стояли и дрожали отъ холода и сырости; и люди и животныя едва двигались въ грязи по колѣно; падалъ валялась на каждомъ шагу. Слышались и вопли раненыхъ и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетавшихся на добычу, и крикъ измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пушекъ. Поневолѣ приходилось задуматься о судьбѣ нашихъ больныхъ; предчувствіе было не утѣшительно. Оно и сбылось».

Прибывъ въ Севастополь, Пироговъ явился къ главнокомандующему. Въ разговорѣ своемъ съ Пироговымъ онъ спросилъ его и о сестрахъ милосердія: «Будетъ-ли толкъ отъ нихъ? Что бы не сдѣлать послѣ еще 3-го сифилитического отдѣленія въ госпиталѣ». — Не знаю, Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Пироговъ, все будетъ зависѣть отъ личности женщинъ, которыя будутъ выбраны. Мысль учрежденія, очевидно, хороша».... — «Да—съ, правда, замѣтилъ главнокомандующій, и у насъ теперь какая-то Дарья ¹⁾, говорятъ, очень много помогала и даже сама перевязывала раненныхъ подъ Альмой». — «Эти старые грѣшники,—замѣ-

чаетъ Пироговъ въ своемъ письмѣ проф. Зейдлицу,—изучили женщину только usque ad portionem vaginalem»....

Въ Севастополѣ Пироговъ нашелъ болѣе 3000 раненныхъ.... Сразу пришлось приняться за тяжелую работу: въ 8 часовъ утра,—пишетъ Пироговъ въ письмахъ въ своей женѣ,—выѣзжаю на лошади въ госпиталь и возвращаюсь въ 4—5—6 час. вечера, весь въ крови, въ поту и нечистотѣ. Въ госпиталѣ на кроватяхъ лежать не многіе раненые; большая часть ихъ лежитъ на нарахъ, скученно и безъ разбора. Матрацы, пропитанные гноемъ и кровью, остаются по 4—5 дней подъ больными по недостатку бѣлья и соломы.

Черезъ 2 недѣли Пироговъ поѣхалъ въ Симферополь посмотреть госпиталь и встрѣтить сестеръ милосердія изъ Петербурга. Въ Симферополѣ Пироговъ нашелъ слишкомъ 2000 раненныхъ, почти все тяжелыхъ и разсѣянныхъ въ 30 домахъ, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ. Черезъ 3 недѣли (18 декабря) Пироговъ сообщаетъ, что „въ Симферополѣ лежатъ еще больные въ конюшнѣ; соломы для тюфяковъ нѣтъ; старая, полусгнившая солома, съ мочею и гноемъ, высушивается и снова употребляется для тюфяковъ. Соломы и въ Севастополѣ уже совсѣмъ нѣтъ; пудъ сѣна стоитъ 1 р. 74 коп. сер.

Въ своихъ «Севастопольскихъ письмахъ» Пироговъ сообщаетъ:

— отъ 6 декабря 1854 г. «Самая ужасная вещь—это недостатокъ транспортныхъ средствъ, отчего больные постоянно накаплиются въ различныхъ мѣстахъ, должны поневолѣ оставаться иногда цѣлые дни и ночи на полу безъ матрацовъ и безъ бѣлья и терпѣть отъ перевозки въ тряскихъ телѣгахъ и по сквернѣйшей дорогѣ въ свѣтѣ; отъ этого самыя простыя раны портятся и больные еще болѣе заболѣваютъ. Смотря на этихъ несчастныхъ,—говоритъ Пироговъ,—благодаришь Бога,

¹⁾ Незаурядная женщина—Дарья, дочь матроса, съ 15 лѣтъ круглая сирота, обнаружила благородную склонность помогать раненымъ: она устроила подъ непріятельскимъ огнемъ весьма примитивный перевязочный пунктъ и перевязывала раненныхъ, какъ могла и умѣла, а затѣмъ во все время войны, «движимая мягкосердіемъ своей женской натуры, подобно Магдалинѣ, съ такимъ самоотверженіемъ помогала раненымъ и на поляхъ битвъ и въ госпиталяхъ, что обратила на себя вниманіе высшаго начальства и удостоилась особой награды» (Пироговъ); она получила медаль, золотой крестъ съ надписью «Севастополь» и, при выходѣ замужъ,—1000 рублей сер. въ приданое. М. К.

и миришься со всѣми лишеніями, видя, что есть люди, которые безъ ропота переносятъ то, что казалось бы не выносимымъ для человѣка». — «Въ Севастополѣ теперь слишкомъ 3000 больныхъ и раненыхъ, въ Симферополѣ 4000, въ Феодосіи 1500.....; вывозу нѣтъ...»

— 18 декабря. «Въ открытыхъ телѣгахъ, безъ тулуповъ, везутъ больныхъ въ теченіе 7 дней изъ Симферополя въ Перекопъ; они остаются безъ ночлега, на чистомъ полѣ или въ нетопленныхъ татарскихъ избахъ; остаются иногда дня по 3 безъ ѣды и проч. и проч. Вотъ слѣдствіе безпечности и непредусмотрительности, когда ничего не заготовляли, шутили, не вѣрили, не приготавливались.... Корпіи и перевязочныхъ средствъ никогда не будетъ довольно для раненыхъ. Бинты едва моются и мокрые накладываются; и такъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше».

— 13 января 1855 г. «Въ дворянскомъ собраніи (въ Севастополѣ) устроенъ уже давно перевязочный пунктъ; въ танцевальной залѣ и на хорахъ лежатъ больные, на бильярдѣ лежатъ корпіи и бинты, въ буфетѣ лежатъ фельдшера».

— 26 января. «Чѣмъ же я виноватъ и предъ кѣмъ, что у меня въ сердцѣ еще не заглохли всѣ порывы къ высокому и святому, что я еще не потерялъ силу воли жертвовать»....

«Общее несчастіе и горе важнѣе..... Кровь, грязь и сукровица, въ которыхъ я ежедневно вращаюсь, давно уже перестали дѣйствовать на меня; но вотъ что печалитъ меня, что я, несмотря на всѣ мои старанія и самоотверженіе, не вижу утѣшительныхъ результатовъ, хотя я моимъ младшимъ товарищамъ по наукѣ, которые еще болѣе меня упали духомъ, безпрестанно твержу, чтобы они бодрились и надѣялись на лучшія времена и результаты».

«О той грязи, о томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ съ октября по декабрь валялись наши больные и раненые, невозможно себѣ составить понятія, кто не видалъ этого собственными глазами» ¹⁾.

— 25 марта. Въ Севастополѣ скопилось до 7000 больныхъ, въ Симферополѣ—6000.

«Я что сумѣлъ, исполнилъ по совѣсти; а на нѣтъ—суда нѣтъ. Поэтому, я считаю свою миссію оконченной или почти оконченной».

«Кто думаетъ, что я поѣхалъ въ Севастополь только для того, что бы рѣзать ноги и руки, тотъ жестоко ошибается. Я думалъ содѣйствовать улучшенію участи нашихъ раненыхъ; но теперь убѣдился, что при нашей распорядительности это дѣло несбыточное; беспоряд-

¹⁾ Изъ письма къ проф. Зейдлицу отъ 16—19 марта 1855 г.

докъ, беззаботность славянская и непредусмотрительность—не искоренимы,—хоть колъ на головѣ тещи.. Въмѣсто разныхъ прихотей—сигарокъ и папиросъ, и даже вмѣсто чаю и сахару, которые благотворители наши посылають сюда для раненыхъ, лучше бы было имъ выслать, на чемъ бы и гдѣ бы можно было лежать; но это, разумѣется, не такъ легко...»

— 7 апрѣля. Пироговъ сообщаетъ, что съ 29 марта по 6 апрѣля было сильнѣйшее бомбардированіе Севастополя, раненыхъ несли на главный перевязочный пунктъ по 200—400 чел. въ день. «Сплю и провожу цѣлый день и ночь на перевязочномъ пунктѣ—въ Дворянскомъ собраніи, паркетъ котораго покрытъ корой засохшей крови; въ танцевальной залѣ лежать сотни ампутированныхъ»...

— 22 апр. «Въ одну ночь поступило до 600 раненыхъ и мы сдѣлали въ теченіе 12 часовъ слишкомъ 70 ампутацій. Съ 17 марта по 21 апрѣля мы сдѣлали до 500 ампутацій».

«Случалось, отъ 150 до 200 ампутацій и другихъ тяжелыхъ операций исполнять каждый день, имѣя ассистентами однѣхъ сестеръ»¹⁾.

Въ то время, когда бомбы и ракеты то и дѣло разрывались вокругъ Дворянскаго собранія, сестры обнаруживали «присутствіе духа, едва совмѣстимое съ женской натурой и отличавшее сестеръ до самаго конца осады. Трудно рѣшить,—говорить Пироговъ,—чему должно болѣе удивляться: хладнокровію-ли этихъ сестеръ или ихъ самоотверженію въ исполненіи обязанностей» .. «Утомленные ночными дежурствами, производствомъ операций, перевязкой раненыхъ, врачи и сестры въ теченіе этихъ достопамятныхъ дней,—разсказываетъ Пироговъ,—не знали другого спокойствія, кромѣ короткаго сна на лавкахъ и койкахъ въ дежурныхъ комнатахъ, пробуждаемые лопаньемъ бомбъ и воплемъ вновь приносимыхъ раненыхъ!»

А раненыхъ все несли и несли, непрестанно, днемъ и ночью...; «кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу дворянскаго собранія. Приносимые раненые складывались вмѣстѣ съ окровавленными носилками цѣлыми рядами на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые $\frac{1}{2}$ вершка запекшейся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряджающихся—громко раздавались въ залѣ собранія».

Въ сосѣдней комнатѣ, «въ операционной, на 3-хъ столахъ лилась кровь при производствѣ операций; отнятые члены лежали горами,

¹⁾ Изъ письма Пирогова къ баронессѣ Раденъ (1876 г.).

сваленные въ ушатъ... За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, принесенными для операціи, а возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ»—съ отнятыми членами. Ночью, при стеариновыхъ свѣчахъ,—тѣже самыя кровавыя сцены и нерѣдко еще въ большихъ размѣрахъ.

А вотъ дома Гущина и Орловскаго, «куда направляли тѣхъ страдалцевъ, раны которыхъ испортились отъ антонова огня или состояніе которыхъ сдѣлалось не только безнадежнымъ, но и вреднымъ для другихъ». «Кто знаетъ только по слухамъ,—говоритъ Пироговъ,—что значить это memento mori—отдѣленіе гангренозныхъ и безнадежныхъ больныхъ въ военное время, тотъ не можетъ себѣ представить всѣ ужасы бѣдственнаго положенія страдалцевъ. Огромныя вонючія раны, заражающія воздухъ вредными для здоровья испареніями,—вопли и страданія при продолжительныхъ перевязкахъ,—стоны умирающихъ, смерть на каждомъ шагу въ разнообразныхъ ея видахъ: отвратительномъ, страшномъ и умирительномъ,—все это тревожитъ душу даже самыхъ опытныхъ врачей, посѣдѣвшихъ въ исполненіи своихъ обязанностей».

Не даромъ сестры находили, что на дверяхъ дома Гущина должна быть также надпись, что и на дверяхъ ада у Данте: «Оставьте надежду всѣ входящіе!» Двѣ сестры, постоянно жившія въ этомъ отдѣленіи, несли великій подвигъ: такъ тамъ было безотрадно!

Въ одну ночь—въ апрѣлѣ 1855 г.—Пироговъ неожиданно получилъ приказаніе только-что оперированныхъ и почти все ампутированныхъ 500 чел. раненыхъ перевезти изъ Николаевской батарейной казармы на сѣверную сторону Севастополя. «Когда всѣ эти 500 страдалцевъ—съ величайшимъ трудомъ и попеченіемъ со стороны медиковъ и сестеръ—были поспѣшно высланы въ назначенное имъ начальствомъ мѣсто, то оказалось, что для принятія ихъ не было приготовлено никакого зданія...—И вотъ всѣхъ этихъ, трудно оперированныхъ, свалили зря, какъ попало, въ солдатскія палатки. До сихъ поръ,—пишетъ Пироговъ баронессѣ Радень въ 1876 г.,—съ леденящимъ ужасомъ вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало! Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними.. Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ. А когда кто-нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздражающіе, пронзительные стоны и крики и зубовный скрежетъ... Отъ 10 до 20 мертвыхъ тѣлъ можно было находить межъ ними каждый день». Врачи и сестры могли помогать не иначе, какъ стоя на колѣняхъ въ лужахъ грязи.

— 29 апрѣля... «Но что всего хуже—это раздоры и интриги, господствующіе между нашими военно-начальниками. Отъ раненыхъ безпрестанно слышишь жалобы на безпорядокъ. Когда солдатъ нашъ это говорить, такъ ужъ, вѣрно, плохо... Неужели Богъ прогнѣвался такъ на нашу матушку родную Русь. Хорошо говорить самому себѣ: «молчи; это—не твое дѣло», да нельзя, не молчится». Отъ безпорядковъ страдаютъ и раненые и больные; «а когда начнутъ умирать, такъ врачи виноваты, почему смертность большая;—ну, такъ лги, не робѣй. Не хочу видѣть моими глазами безславія моей родины..., уѣду, хоть и досадно. Я не привыкъ дѣлать что бы то ни было только для вида, а при такихъ обстоятельствахъ существеннаго ничего не сдѣлаешь.... Когда видишь передъ глазами, какъ мало дѣлается для отчизны и собственно изъ одной любви къ ней и ея чести, такъ поневолѣ хочешь уйти отъ зла, что бы не быть, по крайней мѣрѣ, бездѣйственнымъ его свидѣлемъ..... Русскій Богъ великъ, — да, но и русскіе подлецы — велики.» «Нужно, чтобы было непременно все въ отличномъ порядкѣ—на бумагѣ, а если нѣтъ, такъ нужно молчать.» «Пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, и русскій все остается уменъ заднимъ умомъ...»

— 30 апрѣля. Въ больничномъ лагерѣ раненые лежатъ въ грязи, какъ свиньи, съ отрѣзанными ногами, руками, въ простыхъ солдатскихъ палаткахъ на матрацахъ холстинныхъ, набитыхъ лыкомъ, и лекаря перевязываютъ, стоя по колѣна въ грязи....»

«Изволь лечить людей, лежащихъ въ грязи, въ нужникахъ, безъ бѣлья, безъ прислуги, а умираетъ много,—врачи виноваты. Врачи дѣйствительно виноваты, что они, какъ пѣшки, не смѣютъ пикнуть, гнутса, подличаютъ, молчатъ, скрываютъ и разыгрываютъ столба»....

«Страшитъ не работа, не труды,—рады стараться,—а эти укоренившіяся преграды что-либо полезное сдѣлать, преграды, которыя растутъ, какъ головы гидры: одну отрубишь, другая выставится.

— 3 мая.—«Какъ у насъ не хотятъ этого понять, что, покуда врачи будутъ находиться въ такой зависимости отъ военно-начальниковъ, что трясутся при одной мысли прогнѣвать ихъ, до тѣхъ поръ ничего нельзя путнаго ждать, а если я принесъ пользу, хоть какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь въ независимомъ положеніи; но всякій разъ нахрапомъ, производя шумъ и брань, приносить эту пользу,—не очень весело».

Измученный и физически и нравственно, Пироговъ 1-го іюня 1855 г. уѣхалъ изъ Крыма въ Петербургъ, «полагая чѣмъ-нибудь способствовать перемѣнѣ военно-врачебнаго дѣла въ Севастополѣ въ лучшему».

Послѣ нѣсколькихъ непріятельскихъ штурмовъ, 28 августа г. Севастополь былъ оставленъ нами.

Въ началѣ сентября 1855 г. Пироговъ снова вернулся въ Крымъ. Изъ новыхъ его писемъ мы узнаемъ, что онъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ Симферополѣ.

— отъ 8 и 22 сентября. Въ Симферополѣ, гдѣ 12.000 жителей, — накопилось уже до 13.000 больныхъ; изъ нихъ 7000 раненыхъ. «Съ транспортомъ теперь начнутся прежнія бѣдствія. Нужно бы было сдѣлать воззваніе, чтобы вся Россія присылала войлоки, рогожи, одѣяла, бѣлье и полшубки для транспортирующихся раненыхъ; сѣна здѣсь (въ Севастополѣ) и теперь уже почти нѣтъ, соломы — и подавно; придется ихъ класть такъ же, какъ прошлаго года, на голыя телѣги, которыя теперь прикрываются рогожами».

«Кромѣ госпиталей и Общины, меня занимаютъ теперь особливо транспорты, которые отходятъ отсюда почти ежедневно; если бы ты знала, — обращается Н. И. къ своей женѣ, — что тутъ дѣлается, если бы ты услышала всѣ рассказы о злоупотребленіяхъ и грабежахъ, производимыхъ транспортными начальниками, такъ у тебя волосы бы встали дыбомъ».

[«Живо помню, — говоритъ сестра Бакунина, — какъ Н. И. Пироговъ по нѣскольку часовъ сряду простаивалъ при отправкѣ транспортовъ, и какъ, не смотря на дождь, грязь и темноту, онъ всякій день ходилъ въ лагерь больныхъ, что и отъ нашихъ палатокъ было довольно далеко, а его маленькая квартира была еще дальше»].

Въ Симферополѣ «приходится на одного врача по 180 и по 200 больныхъ перевязочныхъ, нѣтъ физической возможности ежедневно осмотрѣть каждаго. Между тѣмъ въ Крыму теперь слишкомъ 400 военныхъ и гражданскихъ врачей, а больныхъ всего 20.000; слѣд., приходилось бы только по 50 больныхъ на каждаго врача, если бы дѣятельность ихъ была распредѣлена равномерно, — вотъ образчикъ нашей распорядительности; — вотъ чего я добивался, чтобы обратили вниманіе на такіе вопіющіе недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующимъ».

— 6 октября. «Я бомбардирую главную квартиру докладными записками, а дѣла остаются все по прежнему».

— 20 окт. «Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы мои заботы объ Общинѣ (сестеръ милосердія), въ которой я вижу прекрасное будущее, остались втуне. Если хотятъ не быть, а только казаться, то пусть ищутъ другого, а я не перерожусь».

— 28 окт. Въ Симферополѣ все еще до 11.000 больныхъ и тысячи двѣ раненыхъ.

Вопросъ сводился къ дальнѣйшему транспорту больныхъ и раненыхъ изъ Симферополя. Организация транспорта находилась въ весьма неприглядномъ положеніи. Транспортируемые глубокой осенью и зимою за 400, 500 и даже 700 верстъ, раненые и больные терпѣли всевозможныя невзгоды и лишенія¹⁾; лишенные всякаго ухода, они зачастую гибли во время продолжительной перевозки или же платились своими конечностями, отмораживая ихъ. Что бы по возможности упорядочить транспортъ больныхъ и раненыхъ, чтобы облегчить положеніе ихъ, Пироговъ устроилъ особое отдѣленіе сестеръ милосердія—транспортное, съ старшей сестрой Бакуниной во главѣ. Сестры должны были сопровождать транспорты и вести особые путевые журналы по особой инструкціи, данной Пироговымъ и въ основѣ своей имѣвшей «нравственную контроль».

Съ наступившими холодами обострился вопросъ объ отопленіи помѣщеній для больныхъ, и тутъ Н. И. Пирогову пришлось пережить большую неприятность.

«Я долженъ былъ—разсказываетъ Пироговъ въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ въ 1876 г.,—неустанно жаловаться, требовать, писать. При этомъ частомъ писаніи мнѣ не возможно было всегда обдумывать слова и выраженія, какія считаются умѣстными въ оффиціальныхъ бумагахъ, и чрезъ это нѣсколько разъ выходили неприятности. Нѣкоторыя мои выраженія въ письменныхъ моихъ просьбахъ оказались «несоотвѣтственными» или недостаточно вѣжливыми. Однажды, послѣ неоднократныхъ и напрасныхъ моихъ просьбъ къ госпитальной администраціи «о томъ, чтобы она снабдила насъ дровами для отопленія нашихъ ледяныхъ барачковъ и помѣщеній сестеръ», начальникъ госпитальной администраціи «напалъ на одно мое, «неприличное», по его мнѣнію, выраженіе въ письмѣ («имѣю честь представить на видъ») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вслѣдствіе этой жалобы мы дровъ не получили, но я зато получилъ рѣзкій выговоръ сперва отъ Горчакова» (главнокомандующаго), а потомъ и свыше.

Д-ръ В. С. Кудринъ, работавшій въ Симферополѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ Н. И. Пирогова, такъ описываетъ его дѣятельность во время вторичнаго пребыванія Николая Ивановича въ Крыму.

¹⁾ Сестра Бакунина въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ, что у больныхъ болѣе мѣсяца не перемѣняли бѣлья, за недостаткомъ его. — М. К.

„Наибольшую часть своего дорогого времени Н. И. посвящалъ баракамъ, которые были, такъ сказать, его любимымъ дѣтищемъ. Это былъ первый опытъ деревяннаго барачнаго госпиталя, построеннаго по инициативѣ Пирогова. Бараки эти привезены были въ разобранномъ видѣ и установлены далеко за городомъ. Всѣхъ барачныхъ было 8; изъ нихъ ранеными заняты были 4, а въ другихъ 4-хъ помѣщались заразные больные. Въ каждомъ изъ хирургич. барачныхъ работало по 2 врача (одинъ—авторъ и одинъ—Боткинъ). Къ сожалѣнію, бараки оказались сырыми, особенно въ бывшую тогда въ Симферополѣ ненастную осень.

Въ баракахъ Н. Ив-чъ проводилъ отъ 3 до 4 часовъ. Приѣзжалъ въ 9 ч. у., обходилъ всѣхъ больныхъ, присутствовалъ при перевязкѣ ординаторами тѣхъ изъ больныхъ, которые наиболѣе интересовали его; лично имъ оперированныхъ Н. И. перевязывалъ самъ; фельдшера къ перевязкѣ положительно не допускались, и помощниками ординаторовъ были сестры милосердія Крестовоздвиженской Общины, съ Е. П. Карцевой во главѣ.

По окончаніи осмотра больныхъ, производились обыкновенно операціи; резекціи и перевязки глубокихъ артерій б. ч. производились самимъ Ник. Ив-мъ; молодымъ же врачамъ поручались обыкновенно ампутаціи и только въ видѣ особаго благоволенія—резекціи.

Занятія въ баракахъ оканчивались б. ч. къ 1 часу и отсюда Н. И. направлялся, обыкновенно—цѣпкомъ, въ анатомическій театръ при главномъ зданіи военнаго госпиталя на вскрытія, протоколы которыхъ составлялись всегда самимъ Ник. Ив-мъ.

Въ 3 часа начинались уже лекціи Н. И. въ дворянскомъ собраніи, куда собиралось до 150 врачей и Н. И. прочиталъ намъ-врачамъ полный курсъ оперативной хирургіи, показывая на трупахъ производство всѣхъ операцій, при чемъ не любилъ долго останавливаться на описаніи различныхъ оперативныхъ методовъ, а устанавливалъ только общія правила для производства каждой операціи, проводя всегда мысль, что каждый хирургъ долженъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и сообразоваться съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ.

Въ остальное время дня Н. И. посѣщалъ различные отдѣленія госпиталя, которыми завѣдывали приѣхавшіе съ ними врачи Тарасовъ, Беккерсъ, Обермюллеръ, Каде и Хлѣбниковъ. Иногда Н. И. выѣзжалъ въ окрестности Симферополя, гдѣ находились больные или раненые.

Вообще дѣятельность Н. И. въ Симферополѣ была полна, м. сь., самой юношеской энергіи и онъ работалъ безъ усталы, не имѣя никогда опредѣленнаго времени для обѣда. Къ намъ-своимъ помощникамъ Н. И. относился строго и требовательно по службѣ, но всегда очень радушно въ частныхъ бесѣдахъ по вечерамъ за чаемъ, въ его скромной, городской квартирѣ.

Въ началѣ декабря 1855 г. Н. И. оставилъ Симферополь. Предъ отъѣздомъ въ Петербургъ Симферопольскіе врачи давали ему торжественный обѣдъ и поднесли кубокъ“.

По пути Пироговъ „осмотрѣлъ до 70 госпиталей Перекопа, Херсона, Екатеринослава, Харькова и другихъ, переполненныхъ дизентеричными, тифозными, ранеными и множествомъ больныхъ, отморозившихъ себѣ ноги во время транспортовъ въ открытыхъ саняхъ при 20° мороза. Тяжелое, страшное то было время, его нельзя забыть до конца жизни“..., вспоминаетъ Н. И. Пироговъ въ 1880 г., чрезъ 25 лѣтъ.

Не смотря на всѣ происки и массу неблагопріятныхъ условій, неизсякаемой энергіи Пирогова все-же удалось создать болѣе или менѣе правильно организованную хирургическую помощь раненымъ—защитникамъ Севастополя, а введенный и широко-поставленный женскій уходъ сестеръ милосердія и нравственный контроль ихъ надъ хозяйственной частью госпиталей круто измѣнили и весь строй госпитальной жизни, въ небывалому и не виданному до того времени благополучію больныхъ и раненыхъ. Слѣдуя указаніямъ своего великаго руководителя и его ближайшихъ помощниковъ-врачей, сестры милосердія неустанно и неотступно требовали отъ госпитальной администраціи, что-бы все, что полагалось и отпускалось на больныхъ, дѣйствительно было выдаваемо.

Между прочимъ, Пироговъ первый ввелъ на войнѣ чайное довольствіе въ госпиталяхъ, до Крымской кампаніи не употреблявшееся въ полевой практикѣ.

На данныя ему частной помощью средства, Пироговъ въ 1854 г. купилъ чая и сахара на 3000 рублей и тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Крымъ раздалъ ихъ по госпиталямъ.

Широко примѣнялъ Пироговъ въ Крыму при операціяхъ усыпленіе при помощи хлороформа, столь благотѣльное для оперируемыхъ.

Впервые въ міровыхъ войнахъ Н. И. Пироговъ сталъ примѣнять при переломахъ свою неподвижную гипсовую повязку, оказывая тѣмъ новое и великое благодѣяніе раненымъ, особенно при переноскѣ и перевозкѣ ихъ, а главное—положивъ тѣмъ начало консервативнаго лѣченія сложныхъ переломовъ.

«Съ тѣхъ поръ, говоритъ проф. Л. Л. Левшинъ въ 1882 г.,—гипсовая повязка нашла себѣ столь широкое примѣненіе на театрѣ военныхъ дѣйствій, что мы, выѣзжая (въ русско-турецкую войну 1877 г.) на перевязочные пункты, брали съ собой несравненно больше гипса, чѣмъ какихъ либо другихъ медикаментовъ».

Не мудрено, что имя самого Пирогова, которому сева­сто­поль­ские стра­да­ль­цы обя­за­ны были улучше­ні­ем своей уча­сти, было очень по­пу­ляр­но среди нихъ. Это­му спо­соб­ство­ва­ла и до­ступ­ность, всегда от­ли­ча­ва­вшая Ни­ко­лая Ива­но­ви­ча.

Объ опе­ра­тив­номъ же ис­кус­ствѣ зна­ме­ни­та­го хи­рурга Пи­ро­го­ва про­сто­душ­ные сева­сто­поль­ские ге­рои были столь вы­со­ка­го мнѣ­нія, что счи­та­ли Пи­ро­го­ва спо­соб­нымъ творить чу­деса.

Прелестную иллюстрацію этого мы находимъ въ «Воспоми­на­ні­яхъ» сестры Крупской — «Однажды, — раз­ска­зы­ва­етъ она, — на пе­ре­в­язоч­ный пунктъ несли на носилкахъ солдата безъ головы; докторъ, стоя въ дверяхъ, замахалъ руками и кричитъ солдатамъ: «Куда вы не­се­те? Вѣдь ви­ди­те, что онъ безъ головы!» Солдаты отвѣ­ча­ли: «Ничего, ваше благо­ро­діе, го­ло­ву несутъ за нами; г. Пи­ро­говъ какъ-ни­будь при­вя­жетъ; авось еще при­го­дит­ся нашъ братъ-солдатъ».

За время пребы­ва­нія на войнѣ въ Кры­му Н. И. Пи­ро­говъ, по­ста­вивъ хи­рургическую помощь раненымъ на не­бы­валую вы­со­ту, про­я­вилъ и огромныя орга­ни­за­тор­скія спо­соб­ности.

Большую заслу­гу Пи­ро­го­ва со­ста­вля­етъ вве­де­ніе имъ на войнѣ пра­виль­ной сор­ти­ров­ки ране­ныхъ. Онъ раз­дѣ­лялъ всѣхъ ране­ныхъ на 4 ка­те­го­ріи: 1) ране­ныхъ смер­тель­но, без­на­деж­ныхъ, ко­торые поручались сестрамъ ми­ло­сер­дія и свя­щен­ни­ку, 2) ране­ныхъ, тре­бу­ю­щихъ без­от­лагательной по­мо­щи тутъ-же на пе­ре­в­язоч­номъ пунктѣ, 3) ране­ныхъ, ко­торые под­ле­жали опе­ра­ці­ямъ на слѣ­ду­ю­щій день или позднѣе и по­то­му дол­жны были быть от­прав­лены въ гос­пи­таль, и 4) легко ране­ныхъ, ко­то­рыхъ не­мед­лен­но пе­ре­в­язывали и от­прав­ля­ли об­рат­но въ часть. Бла­го­даря вве­де­нію та­кой про­стой и раз­ум­ной сор­ти­ров­ки, ра­бочія ме­ди­цин­скія си­лы не раз­брасывались и дѣло по­мо­щи ране­ныхъ шло бы­стро и тол­ково.

Особенную заслу­гу Пи­ро­говъ ока­залъ воен­но-санитарному дѣлу вве­де­ніемъ частной по­мо­щи на войнѣ и широкой орга­ни­за­ціей жен­скаго ух­о­да за ране­ны­ми. Въ лицѣ сестеръ ми­ло­сер­дія и „сердо­боль­ныхъ вдовъ“ ¹⁾ Пи­ро­говъ не толь­ко далъ же­нщи­намъ пол­ную воз­мож­ность примѣ­нить къ ух­о­ду за боль­ны­ми и ране­ны­ми высокія ка­че­ства жен­скаго серд­ца, но онъ поручилъ имъ, на­равнѣ съ сво­ими по­мо­щ­ни­ка­ми — вра­ча­ми, и „нрав­ствен­ный прис­мотръ и кон­троль“ надъ ру­ко­во­ди­те­ля­ми гос­пи­таль­ныхъ по­ря­дковъ. „Это смутило гг. ад­ми­ни­стра­то­ровъ, — го­во­ритъ Пи­ро­говъ, — и они ста­ли гром­ко ро­птать на пре­вы­ше­ніе вла­сти съ моей сто­ро­ны; но, не смот­ря на всѣ ин­три­ги, мнѣ уда­лось уде­р­жать за сестра­ми весь надзоръ надъ гос­пи­та­ля­ми“.

¹⁾ Въ 1814 г. въ Мариинской боль­ни­цѣ для бѣд­ныхъ въ Пе­тер­бур­гѣ уч­ре­жде­но было, по мысли Им­пе­ра­три­цы Маріи Тео­до­ро­вны, изъ приз­вѣ­ае­мыхъ при «Вдовъ-

О госпитальной дѣятельности сестеръ Пироговъ отзывается съ восторгомъ.

„О самоотверженной дѣятельности сестеръ милосердія въ крымскихъ госпиталяхъ,—читаемъ мы въ письмѣ Пирогова къ проф. Зейдлицу отъ 16—19 марта 1855 г.,—надо спрашивать не меня, такъ какъ я при этомъ не безпристрастенъ, ибо горжусь тѣмъ, что руководилъ ихъ благословенной дѣятельностью, но самихъ больныхъ, которые пользовались ихъ уходомъ» ¹⁾.

«Только очевидецъ,—говоритъ участвовавшій на войнѣ проф. Гюбенетъ,—могъ составить себѣ вѣрное понятіе о самоотверженіи и героизмѣ этихъ женщинъ».

Пироговъ сообщаетъ, что съ декабря 1854 г. по 1 января 1856 г. умерли при исполненіи своихъ обязанностей, вѣрныя своему призванію, 17 сестеръ. Переболѣли-же очень многія.

О дѣятельности «сердобольныхъ вдовъ» Пироговъ говоритъ въ письмѣ отъ 24 ноября 1855 г.: «Лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ самоотверженія служить то, что 12 вдовъ кончили свое существованіе, впадъ въ болѣзнь отъ госпитальныхъ занятій и заразы».

Пироговъ первый въ надлежащей мѣрѣ обратилъ вниманіе на то, что безпорядочное скученіе раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ есть самое главное зло, причиняющее впоследствии ничѣмъ не поправимыя бѣдствія. Поэтому главной задачей полевыхъ врачей и администраторовъ должно быть,—говорилъ Пироговъ,—предупрежденіе скопленія больныхъ и раненыхъ въ самомъ началѣ войны. И Пирогову первому принадлежитъ идея эвакуаціи, разсѣянія больныхъ и раненыхъ съ театра войны въ тылъ, въ близлежащіе города и деревни.

Пироговъ много сдѣлалъ и для упорядоченія транспортировки раненыхъ, когда, какъ мы видѣли, отъ плохой постановки этого дѣла раненые жестоко страдали, а многіе и гибли.

емъ домѣ вдовъ отдѣленіе «сердобольныхъ вдовъ», которыя по инструкціи должны были имѣть надзоръ въ больницѣ за порядкомъ въ палатахъ, чистотой постелей и бѣлья, наблюдать за раздачей лекарствъ, пищи и исполнять всѣ постановленія врачей по уходу за больными.

Вотъ изъ этихъ «сердобольныхъ вдовъ» и сформированъ былъ въ крымскую войну отрядъ въ составѣ 60 чел. и отправленъ былъ на театръ военныхъ дѣйствій для ухода за ранеными и больными, подъ руководствомъ Пирогова.

¹⁾ «Подробно вникая во внутреннія дѣла Общины сестеръ милосердія и въ характеръ лицъ, ее составляющихъ», Н. И. Пироговъ въ первое время много испытывалъ непріятностей изъ-за неуживчивости и несогласій среди сестеръ, какъ это видно изъ его Севастопольскихъ писемъ.—М. К.

Устройством барачков для госпитальных больных Пироговъ положилъ начало той барачной системѣ, которая и теперь считается лучшей для лѣчебныхъ заведеній.

Наблюденія и опытъ Севастопольской войны дали Пирогову основаніе высказать великую идею—сдѣлать медицину на войнѣ нейтральной, что и установлено было позднѣе, Женевской конвенціей 1864 г. и осуществлено у насъ въ 1867 г. уставомъ „Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ“, переименованнаго въ 1876 г. въ „Россійское Общество Краснаго Креста.“

„Вообще, Севастопольская работа и опытъ Пирогова,—говоритъ проф. В. И. Разумовскій,—положили начало той организациі врачебной помощи въ военное время, которая лежитъ въ основѣ современныхъ системъ“.

Въ декабрѣ 1855 г. Н. И. Пироговъ возвратился въ Петербургъ и вскорѣ подавъ въ отставку.

«Выйти въ отставку,—говоритъ проф. Бобровъ—заставило Пирогова нравственное утомленіе его въ борьбѣ съ людьми, для которыхъ цѣли научной и нравственной правды мало понятны и которые часто ставили ему преграды тамъ, гдѣ ихъ, казалось, не должно было быть».

«Время пребыванія Н. И. Пирогова въ Академіи,—говоритъ проф. Батуревъ—было въ значительной мѣрѣ омрачено той партійной борьбой, которая при неразборчивости въ средствахъ въ видѣ клеветы, газетной травли, дерзкихъ выходокъ различнаго рода и т. п. становилась неравной и отравляла спокойствіе и дѣятельность Пирогова. Главная-же причина разногласій заключалась, какъ видно изъ его записокъ, въ неправильной постановкѣ преподаванія въ Академіи».

«Недружелюбнымъ отношеніемъ къ Пирогову многихъ лицъ въ Петербургѣ вообще и въ Медико-хирургической академіи въ частности болѣе всего и объясняется,—говоритъ проф. Батуревъ,—то, что тотчасъ же послѣ Севастопольской кампаніи Н. И. Пироговъ совершенно оставилъ поприще профессора-хирурга,—то, дорогое для себя дѣло, которому онъ посвятилъ всѣ силы и всю жизнь съ самой ранней юности, создавъ себѣ безсмертную славу».

Проф. Таренецкій въ своемъ описаніи „Кафедры и музея нормальной анатоміи при Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-Хирургической) Академіи въ Петербургѣ за 100 лѣтъ“, въ 1895 г. останавливается на выясненіи причины „внезапной подачи Пироговымъ прошенія объ отставкѣ въ 1856-мъ году, составлявшей для многихъ не разрѣшенную загадку“.

Проф. Таренекій пишетъ: «Пироговъ явился изъ Дерпта съ убѣжденіями и привычками дерптскаго нѣмецкаго профессора и разомъ попалъ въ кругъ ему совершенно чуждыхъ людей, вдобавокъ еще при административныхъ порядкахъ, къ которымъ онъ не могъ привыкнуть и съ которыми онъ не могъ примириться въ теченіе всей своей жизни. Пироговъ всегда оставался ученымъ и врачомъ, но никогда не былъ даже сноснымъ администраторомъ; вслѣдствіе этого неудивительно, что вся его академическая карьера представляла почти непрерывное столкновеніе съ разными лицами и постоянный рядъ мелкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздражавшихъ его самолюбіе, неприятностей. По праву онъ могъ считать себя лучшимъ академическимъ профессоромъ и лучшимъ хирургомъ въ Россіи; между тѣмъ, имѣя это внутреннее убѣжденіе, онъ каждодневно долженъ былъ убѣждаться, что въ официальномъ строѣ академической жизни всѣ преподаватели пользовались одинаковыми правами и преимуществами; даже больше того: иногда преподаватель второстепеннаго предмета, при извѣстномъ умѣньи и поддержкѣ другихъ товарищей, безпрепятственно и скоро могъ провести свои начинанія, на осуществленіе которыхъ Пирогову потребовались годы и масса труда и хлопотъ. Встрѣчая самый горячій пріемъ и искреннее восторженное признаніе свое таланта со стороны врачей и студентовъ, Пироговъ—наоборотъ—со стороны многихъ ближайшихъ товарищей долженъ былъ видѣть одну только холодную вѣжливость, смѣшанную у нѣкоторыхъ съ затаенною завистью.

Рѣшеніе подать въ отставку было принято Пироговымъ, повидимому, еще въ бытность его въ Крыму, гдѣ онъ, прощаясь съ своими помощниками въ Симферополѣ, публично высказалъ, что онъ по прибытіи въ Петербургъ намѣренъ въ скоромъ времени оставить службу въ Академіи, потому что «въ жизни каждого человѣка наступаетъ время, когда можетъ и должно заговорить самолюбіе».

Въ письмѣ изъ Севастополя отъ 22 января 1855 г. Пироговъ пишетъ своей женѣ: «Служить здѣсь мнѣ во стократъ пріятнѣе, чѣмъ въ Академіи; я здѣсь, по крайней мѣрѣ, не вижу удручающихъ жизнь, умъ и сердце чиновничьихъ лицъ, съ которыми по волѣ и по неволѣ встрѣчаюсь ежедневно въ Петербургѣ».

«При всѣмъ извѣстномъ упорномъ и крутомъ характерѣ Пирогова,—говоритъ Таренекій,—впередъ можно было предвидѣть, что всякая попытка удержать его при Академіи осталась бы тщетной».

И дѣйствительно, возвратившись въ Петербургъ изъ Крыма въ декабрѣ 1855 г., Н. И. Пироговъ 28 апрѣля 1856 г. подалъ прошеніе объ увольненіи изъ Академіи и чрезъ 3 мѣсяца, 28 іюля 1856 г., вышелъ въ отставку.

Отдавшись всей душой дѣлу помощи раненымъ и больнымъ, посвящая имъ цѣлые дни и ночи въ теченіе 10 мѣсяцевъ Крымской войны, наблюдая въ то же время массу всевозможныхъ злоупотребленій, невѣжества и беспорядочности, Н. И. Пироговъ не могъ не видѣть всей общественной и научной отсталости русскаго общества.

И вотъ вопросы лѣченія общественныхъ, нравственныхъ недуговъ и язвъ русскаго Общества, „вопросы жизни“ заняли умъ врача-человѣка—Пирогова, и въ великомъ врачѣ-хирургѣ проявился и великій мыслитель-педагогъ и патріотъ!

Черезъ годъ по окончаніи крымской войны Пироговъ заговорилъ съ русскимъ обществомъ о „Вопросахъ жизни“ на страницахъ „Морского Сборника“, гдѣ указалъ на необходимость истиннаго воспитанія невоспитанной русской личности.

Послѣ крымской войны вся Россія смутно почувствовала необходимость общественныхъ преобразованій. „Морской Сборникъ“, благодаря стоявшему во главѣ морского вѣдомства великому князю Константину Николаевичу, сталъ проводникомъ намѣчавшихся въ то время гуманнхъ реформъ. Къ голосу „Морского Сборника“ прислушивалась вся мыслящая Россія.

Появившаяся въ 1856 г. въ „Морскомъ Сборникѣ“ статья Пирогова „Вопросы жизни“, съ такой искренностью и правдивостью бичевавшая „нелѣпность почти всеобщаго тогда сословно-спеціальнаго воспитанія и страшный разладъ между школой и жизнью“, произвела огромное впечатлѣніе.

Что-бы „вывести общество изъ его ложнаго и опаснаго положенія“ Пироговъ указываетъ главнѣйшій путь: это—„сдѣлать насъ людьми“. „Путь этотъ,—говоритъ Пироговъ,—труденъ, но возможенъ: избравъ его, придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя“. „Дайте выработаться и развиваться внутреннему человѣку!—призываетъ Пироговъ;—дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное—у васъ будутъ люди и граждане“. „Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми. Поэтому всѣ, до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія, общечеловѣческаго образованія. Односторонній спеціалистъ,—говоритъ Пироговъ,—есть или грубый эмпирикъ или уличный шарлатанъ“.

Статья Пирогова обратила на себя вниманіе и тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Норова, и Н. И. Пирогову предложено было занять мѣсто Попечителя одесскаго учебнаго округа.—Пироговъ принялъ предложеніе, но съ условіемъ, что-бы програм-

ма его дѣйствій была принята министерствомъ, и 3 сентября 1856 г. Н. И. Пироговъ назначенъ былъ попечителемъ одесскаго учебнаго Округа.

Предъ Пироговымъ открылось новое широкое поприще— административно-педагогической дѣятельности... На необычномъ для врача-хирурга посту попечителя учебнаго округа Н. И. Пироговъ оказался столь-же великимъ: какую симпатичную, поучительную и плодотворную дѣятельность проявилъ онъ въ теченіе 5-лѣтняго своего попечительства сначала въ Одесскомъ учебномъ округѣ, а затѣмъ—въ Кіевскомъ! Масса педагогическихъ реформъ—и всѣ—въ духѣ гуманности—проектировалась и проводилась въ жизнь Н. И. Пироговымъ. Какія свѣтлыя мысли, полныя жизненнаго интереса, пропагандировались имъ по вопросамъ воспитанія и образованія!

Въ своей педагогической дѣятельности Н. И. Пироговъ преимущественно заботился о соглашеніи школы съ жизнью, о свободѣ научнаго изслѣдованія, о возбужденіи въ учащихся и учащихся уваженія къ человѣческому достоинству и истинѣ.

„Какъ педагогъ,—говоритъ проф. Батуевъ,—Н. И. Пироговъ проявилъ столько участія, столько любви и снисходительности къ молодому поколѣнію въ различныхъ періодахъ его возраста, что своимъ великимъ примѣромъ, навѣрное, удержалъ многихъ отъ возможныхъ ошибокъ въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и образованія!“

По пріѣздѣ въ Одессу, Пироговъ въ теченіе 1857 года нѣсколько разъ дѣлаетъ объѣзды округа и подробно знакомится съ состояніемъ учебныхъ заведеній и съ постановкой въ нихъ учебнаго дѣла. Въ концѣ года Пироговъ разослалъ дирекціямъ учебныхъ заведеній Одесскаго округа „Циркулярное предложеніе“, и до сихъ поръ не потерявшее своего поучительнаго характера.

Въ циркулярѣ по поводу тѣлесныхъ наказаній Пироговъ предписываетъ, чтобы присутствіе учениковъ при тѣлесномъ наказаніи, какъ мѣра скорѣе безнравственная, отнюдь не было допускаемо». Директоръ и совѣтъ Херсонской гимназіи, порядками которой вызванъ былъ этотъ циркуляръ, усумнились въ справедливости замѣчанія попечителя—Пирогова и свое мнѣніе по этому вопросу выразили ему въ особомъ письмѣ.

Тогда Н. И. Пироговъ подвергнулъ это дѣло „суду публики“, напечатавъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ двѣ статьи: „Нужно-ли съѣчь дѣтей и съѣчь въ присутствіи другихъ?“, разбирая всѣ доводы защитниковъ розги и ея примѣненія въ присутствіи другихъ.

Циркуляромъ „О методахъ преподаванія“ Пироговъ вмѣнялъ въ обязанность педагогическимъ совѣтамъ „подвергать обсужденію методы и приемы преподаванія, употребляемые каждымъ изъ учителей, а также воспитательныя мѣры заведенія“, представляя попечителю соотвѣтственные протоколы засѣданій „на разсмотрѣніе. Описанія лучшихъ методовъ преподаванія печатались въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“.—„Эта мѣра Н. И. Пирогова, — говоритъ К. П. Яновскій, — имѣла огромное вліяніе на возбужденіе педагогической и воспитательной дѣятельности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Округа“.

«Для устраненія, по возможности, недостатковъ уѣздныхъ училищъ» Пироговъ заботился о введеніи двухъ мѣръ: нагляднаго обученія и необязательнаго чтенія въ неклассные часы для желающихъ».

Въ 1858 г. «вмѣсто маршировки и военной выправки» Пироговъ приказалъ ввести преподаваніе гимнастики.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность попечителя Одесскаго учебнаго округа Пироговъ представилъ министру народнаго просвѣщенія проектъ преобразованія Одесскаго Ришельевскаго лицея въ высшее учебное заведеніе, въ цѣляхъ „укрѣпленія нашихъ связей съ нашими восточными собратами по вѣрѣ и племени“. Но только въ 1865 г. лицей преобразованъ былъ въ Новороссійскій университетъ.

„Что-бы возбудить ревность къ изученію отечественнаго слова и доставить больше упражненія самостоятельной дѣятельности учащимся, — говорится въ отчетѣ Министра народнаго просвѣщенія въ 1857 г. — введены Пироговымъ при лицейской гимназій литературныя бесѣды, которыя идутъ успѣшно“.

Въ рѣчи на торжественномъ актѣ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, 1 сентября 1857 года, Н. И. Пироговъ высказываетъ:

«Желая прогресса по своему, мы бросились съ какой-то жадностью отыскивать недостатки и злоупотребленія въ нашемъ обществѣ. Но мы забываемъ, что одна сатира еще никогда не исправляла общества.

Разрушая, нужно и созидать».

Вотъ въ чемъ видитъ Пироговъ тотъ идеалъ, къ которому каждый, направляясь, долженъ стремиться:

«Пусть же родитель, отдавая сына или дочь на попеченіе Одесскаго учебнаго округа, скажетъ предъ судомъ собственной совѣсти: «Я всѣмъ жертвую для воспитанія своего дитяти и ничего другого

не требую отъ воспитателей, какъ только того, чтобы они наставили мое дитя быть человѣкомъ.

Пусть и каждый изъ питомцевъ начнетъ свое образованіе, слѣдуя словамъ отца: «не ищи ничего другого, какъ быть человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова».

Пусть и каждый наставникъ, проникнутый высокой цѣлью своего земного назначенія, скажетъ самоотверженно: «Я не ищу ничего другого, какъ сдѣлать людьми вѣрныхъ мнѣ питомцевъ». Говоря такъ, наставникъ, значить, рѣшается предпочитать формѣ духъ, мертвой буквѣ—живую мысль.

«Научите дѣтей съ раннихъ лѣтъ подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной», обращается Пироговъ къ воспитателямъ!

Въ 1857 г. Пироговъ представляетъ въ министерство народнаго просвѣщенія обширную „Докладную записку относительно образованія евреевъ“, главной цѣлью котораго правительствомъ имѣлось въ виду сближеніе евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ.

Заканчивая свою докладную записку, Пироговъ высказывается за устройство «частныхъ дѣвичьихъ еврейскихъ училищъ», такъ какъ «ничто столько не способствуетъ распространенію просвѣщенія въ народѣ, какъ образованіе дѣтей женскаго пола—будущихъ матерей, наставницъ грядущаго поколѣнія». Устройство этихъ училищъ,—говоритъ Пироговъ,—«служило-бы самымъ мощнымъ рычагомъ къ просвѣщенію еврейскаго народонаселенія и сближенію его съ христіанствомъ».

Н. И. Пироговъ, ставъ попечителемъ Одесскаго округа, обратился и къ публицистической дѣятельности и превратилъ „Одесскій Вѣстникъ“ изъ безцвѣтнаго провинціального листа въ серьезную литературную газету, сдѣлавъ ее органомъ лица.

Особенное вниманіе обратила на себя статья Н. И. Пирогова: „Быть и казаться“ (1858 г.), по поводу спектакля, устраивавшагося гимназистами. Пирогова беспокоитъ нравственно-педагогическій вопросъ: полезно-ли развивать въ ребенкѣ искусство притворяться и знакомить съ наукой: „быть и казаться“.

Оберегая душу ребенка, Пироговъ считаетъ вреднымъ вводить дѣтей въ нездоровую атмосферу подмостковъ; онъ видитъ въ дѣтскихъ театрахъ и дѣтскихъ балахъ школу лжи и притворства, тщеславія и мишурности. «И не выходя на театральную сцену,—и безъ того, на одной сценѣ жизни,—юноша скоро научится лучше казаться, чѣмъ быть», замѣчаетъ Пироговъ.

«Къ вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой советъ! восклицаетъ Пироговъ. «Вмѣсто того, что-бы посылать вашихъ дѣтей на театральную и балльную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской души!».

Пироговъ печатаетъ статьи о цензурѣ и ея значеніи, по еврейскому вопросу и др.

Въ горячей статьѣ „Одесская талмудъ-тора“ Пироговъ между прочимъ говоритъ: „Хлѣбъ и грамоту, хлѣбъ и правду,—вотъ, что дайте, христіане-благотворители, грядущему поколѣнію нашего отечества“ (Рѣчь идетъ о нашихъ приходскихъ школахъ).

„Вскорѣ,—разсказываетъ въ 1880 г. Пироговъ въ своей автобіографіи,—начались столкновенія моихъ убѣжденій съ взглядами другихъ властей за свободу мысли и слова въ дѣлахъ научныхъ и общественныхъ; случилась и перемѣна Министра, и мнѣ предложено было другое мѣсто, попечителя Кіевскаго округа“, куда и назначенъ былъ Н. И. Пироговъ 18 іюля 1858 г.

Преподаватели лицея и обѣихъ Одесскихъ гимназій чествовали своего, отъѣзжавшаго попечителя обѣдомъ, воспользовавшись и тѣмъ, что съ этимъ совпало 30-лѣтіе его медицинской дѣятельности.

За время попечительства въ Кіевѣ Н. И. Пироговъ еще болѣе и еще шире развилъ свою миссіонерскую, педагогическую и публицистическую дѣятельность.

Обычные циркуляры по учебному округу Н. И. Пироговъ преобразовалъ въ живое педагогическое изданіе, представлявшее большой интересъ не только для педагогическаго міра, но и для всего образованнаго общества. Въ циркулярахъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями по поводу тѣхъ или другихъ сторонъ педагогическаго дѣла, Пироговъ являлъ себя великимъ наставникомъ и учителемъ жизни. Въ своихъ циркулярахъ, допускавшихъ гласный и свободный обмѣнъ мыслей, Пироговъ звалъ къ общей, дружной работѣ въ великомъ дѣлѣ воспитанія учащейся молодежи, на началахъ свободного проявленія личности, признанія такой личности и въ ученикахъ.

Издаются поучительные циркуляры: о преподаваніи закона Божія, о наглядномъ обученіи, о наказаніи учениковъ, о преподаваніи географіи, о задачахъ учителя въ школѣ, о взаимоотношеніи учениковъ, объ образованіи и воспитаніи, о врачахъ-педагогахъ.

Какъ врачъ, Н. И. Пироговъ обратилъ „главное вниманіе наставниковъ на различную индивидуальность учениковъ“. „Я твердо былъ убѣжденъ,—говоритъ Н. И.,—что уваженіе и любовь къ свя-

тому, высокому и прекрасному не могутъ быть иначе развиты въ душѣ ребенка, какъ слѣдя за развитіемъ его индивидуальнаго быта, его воспріимчивости и склонности къ этимъ чувствамъ..... Пороки не могли быть иначе искоренены, какъ откровеннымъ и болѣе свободнымъ обращеніемъ съ дѣтьми наставниковъ“.

„Для большаго сближенія съ учениками и учениковъ между собою“ Пироговъ учредилъ „подъ предсѣдательствомъ директоровъ, инспекторовъ и своимъ собственнымъ литературныя и научныя бесѣды“.

„Нельзя не удивляться,—говоритъ Пироговъ,—сколько благотворныхъ и вовсе неожиданныхъ результатовъ дали эти бесѣды. Свобода возрѣній, не допускаемая на официальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣды, и обнаруживала не узанныя на обыкновенныхъ урокахъ способности и знанія“.

Въ тѣхъ же „Циркулярахъ“ Пироговъ въ статьѣ „О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ“ снова указываетъ на важность этихъ бесѣдъ, видя цѣль ихъ—приготовлять къ университету, „къ самостоятельному научному труду, безъ котораго ученье въ университетѣ бесплодно“.

Поучительный циркуляръ издаетъ Пироговъ „О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ гимназій“.

Огромный интересъ въ Обществѣ возбудилъ циркуляръ попечителя Пирогова: „Основные начала правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевского учебнаго округа“, составленныя особымъ комитетомъ изъ представителей различныхъ учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ Пирогова.

Эти «правила о проступкахъ» вызвали необычайную полемику, которая занимала все русское интеллигентное общество въ 1860 и 1861 годахъ, благодаря главнымъ дѣйствующимъ лицамъ этой полемики—Пирогову и Добролюбову.

Пироговъ говоритъ по поводу „правилъ“: „убѣжденный, что при господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія можетъ служить только развитіе чувства законности и справедливости между учащимися“...

Въ воспитательныхъ цѣляхъ Пироговъ находитъ «необходимымъ распространить и усилить дѣятельность и нравственное вліяніе педагогическихъ совѣтовъ».—«Первая цѣль наказаній въ учебныхъ заведеніяхъ,—говоритъ Пироговъ,—есть исправленіе».

Для проступковъ, касающихся взаимныхъ отношеній учениковъ, Пироговъ предложилъ, въ видѣ опыта, ввести въ пяти высшихъ классахъ «совѣстный судъ товарищей, правильно организованный, подъ руководствомъ воспитателей».

Высказываясь относительно корпоративнаго духа, Пироговъ говорить: «Корпоративный духъ много содѣйствуетъ распространенію законности и нравственной связи между учащимися и цѣлымъ учрежденіемъ, когда основаніемъ корпораціи служитъ благородное научное соревнованіе, чувство чести и собственного достоинства».

Тѣлесныя наказанія—розги, о которыхъ высказывается Пироговъ,—вотъ тотъ гвоздь, который привлекъ къ себѣ особенное вниманіе интеллигентнаго общества и рѣзкую критику со стороны Добролюбова и нѣкоторыхъ другихъ.

Вотъ что говоритъ Пироговъ въ 1859 г.: «Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно было бы изгнать совершенно», какъ мѣру «грубую, безнравственную, унижительную и возмущающую». «Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для ихъ наказанія (по крайней мѣрѣ въ началѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства», «принявъ за правило употреблять это средство съ крайней осторожностью».

Вотъ это оставленіе розогъ въ числѣ мѣръ наказанія, рекомендуемыхъ гуманистомъ Пироговымъ, составлявшее, дѣйствительно, его Ахиллесову пяту, главнымъ образомъ и возбудило страстную полемику въ обществѣ.

Черезъ 2 года Пироговъ въ видѣ циркуляра издаетъ обширный и полный живого интереса „Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по кievскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій“.

Въ этомъ циркулярѣ указывается, что «въ теченіе года, предшествовавшаго составленію кодекса (правилъ), изъ 4109 учениковъ 11-ти гимназій Округа подвергались тѣлесному наказанію 551. Въ теченіе года, истекшаго послѣ обнародованія кодекса, изъ 4310 учениковъ этихъ же гимназій подвергнуто было тѣлесному наказанію только 27 (отъ 5 до 10 ударовъ розгой), слишкомъ въ 20 разъ меньше.

Изъ 4200 учениковъ уволено было по прошенію 34 и исключено 10 учениковъ,—послѣ введенія правилъ.

Въ 1859 г. попечители округовъ только-что получили право открывать частныя школы, не испрашивая разрѣшенія высшей инстанціи. И вотъ, когда студенты кievскаго университета обратились къ Пирогову съ просьбой разрѣшить имъ открыть бесплатную воскресную школу, онъ тотчасъ же далъ разрѣшеніе, и въ Кіевѣ, въ 1859 г., открыта была Н. И. Пироговымъ первая русская воскресная школа. Постоянно слѣдя за развитіемъ новаго дѣла и посѣщая школу, Пироговъ скоро убѣдился, что воскресная школа даетъ прекрасные результаты: желающихъ посѣщать школу являлась масса, успѣхи обученія изумительны: воскресныя школы „заохочивали къ ученью ремесленный и рабочій классы народа, отвлекая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ праздности и разгула“. „Тоже или почти тоже сообщали попечителю Пирогову директоры и другихъ воскресныхъ школъ округа, открытыхъ нѣсколько позднѣе въ городахъ Нѣжинѣ, Полтавѣ и Черниговѣ“.

[Официально воскресныя школы были узаконены лишь въ 1860 году циркуляромъ Министра Вн. Д.].

Но вотъ воскресныя школы стали вызывать подозрительное отношеніе къ нимъ начальства, появились ограниченія преподаванія въ школахъ исключительно одной грамотностью.

«Однажды, рассказываетъ Пироговъ въ своей статьѣ «О воскресныхъ школахъ», особою, очень вліятельною, при посѣщеніи школъ, найдено было худымъ, что учителя разъясняютъ дѣтямъ низкаго словія отечественную исторію».

Вскорѣ затѣмъ воскресныя школы въ Кіевскомъ учебномъ округѣ были закрыты.

Обсуждая и опровергая взведенныя на воскресныя школы обвиненія въ якобы преступныхъ дѣйствіяхъ, въ „пропагандѣ“, Н. И. Пироговъ высказываетъ:

«Нельзя не удивляться, почему въ обществѣ такъ легко принимается ложный взглядъ, которымъ смотрятъ на учебныя заведенія, какъ на источникъ вредныхъ и опасныхъ доктринъ, тогда какъ всѣ такія доктрины всегда берутъ свое начало внѣ школъ и вырабатываются въ самомъ же обществѣ.... Препятствовать распространенію ложныхъ идей можно только распространеніемъ другихъ, имъ противоположныхъ. Если закроютъ каналы, проводящіе, вмѣсто чистой, грязную воду, то отъ этого еще не изсякнетъ мутный источникъ; не лучше-ли же провести отъ нихъ новыя—къ родникамъ съ чистою струею».

«Удастся-ли теперь возстановить довѣріе къ воскреснымъ школамъ,—говоритъ Пироговъ,—когда онѣ заподозрѣны въ глазахъ учащихся».

ся, общества и правительства,—это вопросъ. Тѣмъ не менѣе попытка къ ихъ возстановленію есть дѣло первой необходимости для распространенія просвѣщенія въ народѣ».

Программой воскресныхъ школъ, по мнѣнію Пирогова, должны служить: „осмысленная грамота, письменность, счетность, нѣкоторые техническіе предметы и законъ Божій“.

«Общественное мнѣніе, гласность, свобода научнаго разслѣдованія, какъ и все хорошее въ мірѣ,—говоритъ Пироговъ,—требуютъ привычки и понимаются не всѣми и не вдругъ; ихъ первое появленіе на свѣтъ никогда не проходитъ безъ грубыхъ промаховъ, нелѣпостей и катастрофъ. Но мыслящимъ не трудно помириться съ неизбѣжнымъ и вытерпѣть первый напоръ увлеченій и недоразумѣній. Если кого нужно обвинять въ неудавшемся и такъ печально прекратившемся дѣлѣ воскресныхъ школъ, то это именно нашихъ официальныхъ контролеровъ, за то, что у нихъ не достало ни мысли, ни духа выдержать этотъ напоръ».

Въ 1860 г., въ своей статьѣ „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства народнаго просвѣщенія“, Н. И. Пироговъ выставляетъ слѣдующія положенія:

«1) Принявъ за доказанную истину, что коллегіальное начало, не смотря на нѣкоторые его недостатки, есть всетаки самое лучшее въ дѣлѣ общественнаго образованія, нужно сохранить его въ чистотѣ, не допуская примѣси другого противоположнаго начала—бюрократическаго. 2) Самое дѣйствительное средство къ улучшенію нравственности въ учебныхъ заведеніяхъ есть сама наука, и учитель, знающій свое дѣло, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самый лучший воспитатель, а потому нравственное вліяніе его на учениковъ не должно быть стѣсняемо никакимъ постороннимъ вмѣшательствомъ. 3) Официальный контроль надъ программами и классными переводами, какъ не достигающій цѣли, долженъ быть сколько можно менѣе стѣснительнымъ. Однимъ наставникамъ исключительно должно поручать, вмѣстѣ съ надзоромъ за учащимися, и рѣшеніе вопроса о способѣ изложенія науки и о свѣдѣніяхъ и способностяхъ учениковъ. Лучше оказать болѣе довѣрія и тѣмъ, которые его не совсѣмъ заслуживаютъ, нежели мало довѣрять вполнѣ заслуживающимъ».

Далѣе, «для того, чтобы распространить у насъ какъ можно больше грамотность въ народѣ, нужно,—говоритъ Пироговъ,—не только позволять всѣмъ желающимъ учреждать элементарныя школы, но еще

и допускать въ элементарныя училища, открываемыя правительствомъ и общинами, всѣхъ желающихъ учить грамотѣ, письму и счетности». ... «При нашемъ недостаткѣ въ учителяхъ, нужно допускать и женщинъ къ преподаванію, какъ это дѣлается въ Америкѣ».

„Должно быть аксіомой, что ученіе до извѣстнаго возраста должно быть одно и тоже для всѣхъ сословій и для всѣхъ состояній“.

„Въ каждой школѣ, начиная съ элементарной и доходя до университета, образованіе должно быть закончено и округлено до извѣстной степени; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно такъ распорядиться, что бы каждая школа могла служить и преддверіемъ другой“.

Пироговъ и здѣсь снова высказывается противъ переводныхъ экзаменовъ, указывая, какъ на „образецъ, на германскія школы, гдѣ нѣтъ нашихъ переводныхъ экзаменовъ, а ученіе идетъ несравненно лучше“. „Только въ сомнительныхъ случаяхъ или въ случаѣ возникшаго несогласія во мнѣніяхъ учителей могутъ быть допущены испытанія въ присутствіи всего педагогическаго совѣта“.

Нѣсколько позднѣе Н. И. Пироговъ пишетъ „Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“.

Въ 1860 г. въ „Морскомъ Сборникѣ“ появляется статья „Школа и жизнь“, — крупнѣйшая по размѣрамъ и содержанію работа Н. И. Пирогова по вопросамъ воспитанія и образованія послѣ знаменитыхъ „Вопросовъ жизни“.

„Съ одной стороны, — говоритъ Пироговъ, — школа начинаетъ понимать, что она безъ жизни и внѣ жизни — нелѣпость, а жизнь видитъ, что она безъ школы не можетъ ни одного шага сдѣлать впередъ; идти же назадъ ей запрещено предвѣчнымъ закономъ“. „Всѣ мыслящіе начинаютъ убѣждаться, что школа и жизнь есть одно нераздѣльное цѣлое...“

Въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ“ 1860 г. Пироговъ печатаетъ поучительныя „Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній за 1859 годъ“.

Высказываясь объ экзаменахъ, попечитель - Пироговъ говоритъ: «Вообще можно сказать, что наши годичные или переводные экзамены назначаются болѣе для учителей, чѣмъ для учениковъ. Они означаютъ только недовѣріе къ безпристрастію учителей... Развѣ учителя, вмѣстѣ съ директоромъ и инспекторомъ, не могутъ между собою рѣшить безъ всякихъ формальностей, можетъ ли тотъ или другой ученикъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ или нѣтъ. Развѣ каждый учитель не долженъ знать каждаго изъ своихъ учениковъ въ теченіе года,

что-бы рѣшить, можетъ ли онъ идти далѣе и достоинъ-ли онъ быть переведеннымъ въ слѣдующій классъ или нѣтъ? Если-же учитель не узналъ способности къ занятію изъ годичнаго курса и свѣдѣній своихъ учениковъ, то что-же онъ узнаетъ чрезъ испытаніе, которое продолжается для каждаго по нѣскольку минутъ»? Здѣсь Пироговъ указываетъ на важное значеніе особыхъ, классныхъ учителей.

Пироговъ высказывается и противъ балльной системы оцѣнки переводныхъ испытаній и выпускныхъ экзаменовъ, находя достаточнымъ отвѣты: да или нѣтъ, причемъ «чрезъ экзамены мы,—говоритъ Пироговъ,—не должны и не можемъ добиваться узнать maximum свѣдѣній испытуемаго. Этого maximum нѣтъ, потому что по направленію вверхъ нѣтъ никакой границы человѣческихъ свѣдѣній. Но есть законное,—конечно, условное,—minimum; его-то мы и опредѣляемъ чрезъ испытаніе».

(Продолженіе слѣдуетъ).
